

Советской власти. В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в Республике немцев Поволжья и прилегающих районах, и случится кровопролитие, Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья”³.

В сборнике впервые публикуются документы, дающие представление об административных мерах, организационной основе выселения крупных контингентов немецкого населения из Поволжья.

Во втором разделе представлены редкие фотографии школьника Виктора Шауфлера, показывающие довоенную жизнь Сталинграда. Семья Шауфлера была занесена в список по Тракторному району города и выслана в Казахстан.

Составители провели кропотливую работу по выявлению и систематизации документов фонда № 42 Информационного центра Главного управления внутренних дел Волгоградской области. Представлены материалы, характеризующие динамику выселения немцев из Ерманского, Баррикадного, Ворошиловского, Дзержинского, Краснооктябрьского, Тракторного районов г. Сталинграда⁴.

Списки на выселение являются свидетельством запланированной и проведенной операции по депортации тысяч людей. Впервые опубликованы не индивидуальные, а семейные списки, с указанием фамилии главы семьи, имен и отчеств, года рождения ее членов, отмечается степень родства, адрес места жительства; в отдельных списках указываются

профессия и место работы высылаемых. Списки документально оформлены: в примечаниях, как правило, приводятся фамилии членов “тройки” – ответственных за их составление сотрудников НКВД, контролировавших отправку контингентов с определенных “мест погрузки”.

Списки по Сталинграду и его районам позволяют судить о количестве немцев, живших в городе. По Ворошиловскому оперучастку Сталинграда переселение проведено 3 сентября 1941 г. 315 семей (976 человек) доставлены на Баррикадный спуск на берегу Волги. Красноречивым документом является рапорт начальника Ворошиловского оперучастка Буценко. Он выполнен на машинописном бланке, в котором предусмотрены различные формы протеста. Руководство было готово к протестным действиям населения. В то же время в рапорте отмечено, что никаких инцидентов не произошло. Всего в ходе массовой депортации из 6 районов Сталинграда было выселено 6639 чел.

Списки представляют собой ценный материал для изучения этнических и социальных особенностей немецкого населения, депортированного из Поволжья. Среди высылаемых было много малолетних детей. Изгонялись и члены семей партийных и советских работников, репрессированных до начала Великой Отечественной войны, семьи красноармейцев, сражавшихся на фронтах.

Положительно оценивая значение и репрезентативность публикуемых источников, отметим, что в ряде случаев не упоминаются фамилии составителей документальных сборников, на которые ссылается автор вводной части. Вместе с тем необходимо отметить, что проведена трудоемкая работа по выявлению и сбору документов. Данные о семейных связях могут быть использованы при составлении родословных российских немцев. Издание станет ценным подспорьем при изучении национальной политики СССР в предвоенный и военный период.

В.Г. Чеботарева,
доктор исторических наук, профессор

P. Berkowitz. CONSTITUTIONAL CONSERVATISM. LIBERTY, SELF-GOVERNMENT, AND POLITICAL MODERATION. Stanford: Hoover institution press publication, 2013, 134 p.

П. Берковитц. КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ. СВОБОДА, САМОУПРАВЛЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ УМЕРЕННОСТЬ. Стэнфорд, 2013, 134 с.

После двух поражений на президентских выборах для американских консерваторов чрезвычайно остро стоит проблема консолидации сил. Если в 2008 г. поражение их было

обусловлено, прежде всего, начавшимся тогда экономическим кризисом, военными и внешнеполитическими неудачами Дж. Буша, то через четыре года мессианский ореол Б. Обамы

сильно потускнел. Его победа над М. Ромни выглядела неубедительной. В немалой мере ей поспособствовали и сами республиканские кандидаты. Демонстративное единство на конвенте не могло загладить урон, который был нанесен республиканской партии ожесточенными схватками между сравнительно умеренным Ромни и такими жесткими консерваторами, как Р. Санторум и Н. Гингрич, в глазах которых их соперник не выглядел подлинным консерватором. К тому же и остальные республиканские претенденты тоже не скупились на взаимные обвинения.

Каков же путь к сплочению консервативного лагеря, без чего нельзя отвоевать у либералов-демократов Белый дом и обеспечить долгосрочное доминирование в стране? Именно с этой точки зрения особый интерес представляет небольшая по объему, но основательно насыщенная концептуально книга П. Берковитца.

Ее автор – ученый и публицист, чьи взгляды, по сути дела, близки неоконсервативным, предлагает платформу, на которой, по его убеждению, могли бы объединиться различные течения консервативного лагеря. При этом Берковитц идет гораздо дальше, чем просто возвращение власти. Фактически он предлагает стратегию, которая должна вернуть американским консерваторам историческую инициативу, обеспечить им долгосрочное политическое и духовное преобладание.

Автор рецензируемой книги, старший научный сотрудник Гуверовского института Стэнфордского университета. Сфера его интересов весьма обширна: конституционное правление, консерватизм и прогрессизм, либеральное образование, национальная безопасность и ближневосточная внешняя политика. Его перу принадлежит несколько монографий. Под его редакцией и при его соавторстве вышли, в частности, тома “Вариантов консерватизма” и “Вариантов прогрессизма”. Берковитц пишет для многих американских и зарубежных периодических изданий. На его счету сотни статей, эссе и обзоров.

Говоря о целях своей книги Берковитц подчеркивает, что он не намерен вмешиваться в споры ученых, занимающихся изучением истории идей или разрабатывать конкретные политические предложения. “Скорее, – пишет он, – я дистиллирую принципы свободы, вписанные в традиции мысли, чьи истоки восходят к XVIII в.” (с. XI–XII). **Именно они должны стать фундаментальной основой для сплочения весьма разнородного консервативного лагеря.** Ею, по мысли автора, мог бы послужить “конституционный консерватизм”, своим происхождением обязанный признанному отцу-основателю англо-саксонского консерватизма Э. Берку. Свое

конкретное воплощение американский консерватизм, как это и вытекает из определения Берковитца, нашел в конституции, базирующейся на идеях отцов-основателей США, разработанных в знаменитом “Федералисте”, этом “шедевре американской политической мысли” (с. 7).

Конституционный консерватизм, на взгляд Берковитца, проявился и в высших точках подъема американского консерватизма, обновившегося после Второй мировой войны. Далее следует перечень мыслителей, идеологов и политиков, предстающих в качестве носителей этого обновленного консерватизма. Предложенный автором перечень весьма отчетливо дает понять, что именно подразумевается под конституционным консерватизмом.

В списке наиболее выдающихся интеллектуалов фигурируют Ф.А. Хайек, М. Фридмен, Р. Керк, У. Чамберс, У.Ф. Бакли, Ф.С. Майер, И. Кристол. Список политиков короче, но еще выразительнее: Б. Голдуотер, Р. Рейган, Н. Гингрич и Дж. Буш-мл.

Хотя конституционный консерватизм – наиболее благоприятная почва для консолидации консервативного лагеря, но достичь ее непросто. Двумя главными течениями американского консерватизма, по мнению Берковитца, являются социально-консервативное и либертарианское. Ни одно из них не в состоянии выиграть выборы в одиночку. Логика политической борьбы диктует им необходимость объединить силы во имя “сохранения принципов свободы, воплощенных в американской конституции” (с. VIII).

Ради этого необходимо подняться над разногласиями. Но в каждом из этих двух лагерей есть немало “пуристов”, игнорирующих тот факт, что порознь консерваторам не добиться победы. Такая тенденция, отмечает Берковитц, свойственна консерваторам с момента “кристаллизации” послевоенного консерватизма в 1950-х годах. Страсть к “чистоте”, констатирует он, явление извечное. Что касается современного консерватизма, то присущая ему напряженность между свободой и традицией “усилила напряженность в соперничестве консервативных лагерей”.

Тем не менее выход из этого состояния имеется: “К счастью, урок политической умеренности вписан также и в современную консервативную традицию, причем ныне более прочно и неодолимо, чем раньше” (с. 9). Начало было положено Э. Берком – мысль о смягчении напряженности между свободой и традицией проходит красной нитью через все его речи и писания, хотя, как полагает Берковитц, хватило бы одних “Размышлений о революции во Франции”. Они учат балансу принципов, бла-

гоприятствующих свободе. “И вся его карьера, – утверждает Берковитц, – демонстрирует, что политическая умеренность не только согласуется с принципами свободы, но и необходима для их отстаивания” (с. 10).

Политическая умеренность как необходимое условие гармонизации принципов свободы и традиции предполагает “балансирование” и “калибровку”. Все это ключевые слова книги Берковитца наряду с “сохранением” и “коррекцией”. Но от них, особенно от политической умеренности, веет духом компромисса, что явно тревожит автора, который прилагает серьезные усилия, чтобы развести эти два понятия. По его словам, политическая умеренность “всегда будет привлекательной мишенью для демагогов, стремящихся использовать страсть к чистоте в политике” (с. 35). “Добродетель умеренности, – пишет автор, – часто ошибочно принимают за компромисс с добродетелью как таковой, за размягчение веры, отсутствие страсти, ослабление воли, даже откровенный порок” (с. 34).

С учетом подобных представлений, убежден Берковитц, “политическая умеренность неотделима от политического мужества” (с. 35). Она предполагает скорее компромисс ради принципа, а не за счет принципа. “Таким образом, – настаивает автор, следуя Берку, – политическую умеренность нельзя путать с отсутствием страсти” (с. 15).

Все же ожесточенная критика Берком Французской революции плохо вяжется с умеренностью. Это не смущает поборника современного конституционного консерватизма. Более того, он опирается на нее в качестве аргумента в пользу своей интерпретации. Действительно, признает он, атаки Берка на Французскую революцию могут создать представление о несовместимости с политической умеренностью, но все дело в том, что отец-основатель англосаксонского консерватизма “пламенно отстаивал правоту традиции, порядка и добродетели” (с. 36).

Упор на достижение баланса между соперничающими принципами делали и американские отцы-основатели, как в своих рассуждениях в “Федералисте”, так и в политической практике. Для них политическая умеренность также была отражением страсти к свободе и понимания того, насколько трудно свободу сохранять. Ведущим принципом на конвенте в Филадельфии, вошедшим в структуру конституции, стал баланс между федеральной властью и властями штатов. Американская конституция в целом пропитана духом баланса. Ее творцы, подчеркивает Берковитц, инкорпорировали политическую умеренность в институты правления новыми убедительными и эффективными

методами. Все же не они были первыми, кто признал важность политической умеренности для благого правления. Они вписываются в традицию, уходящую корнями в античность: “Конституция отдает старой практикой сочетания друг с другом человеческих элементов и политических принципов, что согласно учениям Платона и Аристотеля было квинтэссенцией политического искусства” (с. 45–46).

В соответствии с концепцией книги автор перебрасывает мост из XVIII в XX в. “Американский консерватизм, – пишет Берковитц, – осознал себя как определенную школу в годы после Второй мировой войны” (с. 77). Его либертарнианская ветвь получила мощный импульс от “Дороги к рабству” Ф.А. Хайека, а будущая социально-консервативная – от книг Р. Керка и У. Чамберса. Следует, однако, заметить, что в те времена либертарианство отождествлялось с классическим либерализмом, а представленный Керком и Чамберсом консерватизм именовался традиционалистским.

Ареной для дебатов между ними стал основанный У.Ф. Бакли в 1955 г. журнал “Нэшнл ревю”. Его редактор Ф. Майер в начале 60-х годов предпринял попытку духовного объединения консерваторов-традиционалистов и сторонников классического либерализма. В связи с этим он ввел в оборот термин “fusionism” (сплав, синтез). По мнению Берковитца, он неудачен, поскольку не раскрывал реального характера связи между этими течениями, создавал представления, будто их “могла соединить только некая таинственная космическая сила” (с. 90). Между тем, “конституционный консерватизм”, полагает автор книги, более точно схватывает интеллектуальные скрепы и политическую основу союза, призванного объединить “поборников ограниченного правительства с поборниками традиции” (с. 90).

“Конституционный консерватизм, – продолжает Берковитц, – хорошее определение для взглядов, которые отстаивал Барри Голдуотер” (с. 90). Правда, примирить политическую практику и риторику Голдуотера с политической умеренностью еще труднее, чем в случае с Берком. Автор приводит слова Голдуотера о том, что “экстремизм в защите свободы – не порок”, а “умеренность в стремлении к справедливости – не добродетель” (с. 91). “К несчастью, – сожалеет Берковитц, – эти риторические украшения поощряли опасное и устойчивое непонимание, как среди критиков консерватизма, так и среди самих консерваторов” (с. 91). На самом деле, настаивает автор, по такому важному вопросу как отношение между свободой и традицией сенатор от Аризоны был за умеренность и примирение соперничающих конституционных императивов.

В чем он был непреклонен, так это в негативном отношении к “государству всеобщего благосостояния” (с. 93).

С этой реальностью пытались, в той или иной мере, примирить американский консерватизм, его новички, которых стали именовать неоконсерваторами. Берковитц решительно отвергает “окарикатуренное”, по его словам, представление о неоконсерватизме как об “одномерной внешнеполитической школе” (с. 98). Для них характерно уважительное отношение к традиционным ценностям и институтам: религии, семье, “высокой культуре” западной цивилизации. Они органично встраиваются в широкую конструкцию конституционного консерватизма. “Подобно социальным консерваторам и либертарианцам, неоконсерваторы нашли в 1980 г. своего знаменосца в лице Р. Рейгана”, – заключает автор (с. 98).

Его президентство, констатирует Берковитц, “было высшим пунктом примирения в современном консерватизме свободы с традицией, порядком и добродетелью” (с. 107). В своем стремлении ограничить правительство и нанести поражение коммунизму Рейган не пытался фундаментально трансформировать Америку или вернуться к золотому прошлому. «Несмотря на экстравагантную риторику, – продолжает мысль автор, – Рейган принял принцип “нового курса”, что правительству должна принадлежать фундаментальная роль в обеспечении социальной безопасности и сохранил изрядную часть джонсоновского “великого общества”» (с. 107).

Действительно, Рейган на словах часто заходил дальше, чем на практике. Тем не менее, при его президентстве была осуществлена радикальная, в консервативном смысле, налоговая реформа, начался секвестр государственных расходов, что привело к сбалансированному и даже профицитному бюджету. С его именем связана знаменитая стратегия “звездных войн”. Если ему и пришлось принять определенные существенные элементы наследия Ф.Д. Рузвельта и Л.Б. Джонсона, то лишь потому, что они смогли институционализироваться, встроиться в социально-экономическую структуру США.

На примерах Голдуотера и Рейгана особенно рельефно раскрывается суть авторской трактовки политической умеренности. В конечном счете, она предполагает баланс и калибровку с заметным смещением к правому флангу консервативного спектра. Впрочем, это отражает специфику американского консерватизма, в рядах которого сильно позиции консерваторов правого толка.

Крен вправо характерен и для предложенной Берковитцем политической повестки, под которой, по его словам, со спокойной совестью

могли бы подписаться и социальные консерваторы, и либертарианцы (с. 119–120). Однако нетрудно уловить, что громче звучат в ней все же социально-консервативные и неоконсервативные мотивы.

После кульминации 1980-х годов американский консерватизм, пишет Берковитц, раскололся в конце 90-х годов вслед за подъемом и падением Н. Гингрича. Еще сильнее он был расколот и деморализован к концу президентства Дж. Буша (с. 77). Администрации Буша не удалось реализовать надежды, порожденные провозглашенным им курсом на “сострадательный консерватизм”. Этому, прежде всего, помешали события 11 сентября 2001 г., превращение Буша в “президента военного времени”. Критика 43-го президента США обусловлена не столько его действиями, сколько их неудачей: “Наиболее характерные его внутривнутриполитические инициативы и его внешняя политика отражали решимость сбалансировать соперничающие моральные и политические инициативы” (с. 111). И хотя курс Буша на Ближнем Востоке провалился, продвижение демократии и свободы остается на повестке дня, но результат “в высшей степени зависит от политической умеренности” (с. 111).

После ухода Буша социальные консерваторы и либертарианцы казалось, были склонны двигаться далее порознь. Однако президент Обама с его прогрессистскими амбициями многое сделал для того, чтобы “перезарядить консерваторов”, а конституционный консерватизм должен объяснить, почему столь высоко ценимое социальными консерваторами и либертарианцами сохранение свободы зависит от “обновления и культивирования политической умеренности” (с. 112). Сама же она, как постоянно напоминает автор, институционализирована в конституции.

Действительно, рассуждения Берковитца выглядят довольно убедительно. Все течения американского консерватизма клянутся в верности конституции, готовы отстаивать ее от покушений либеральных прогрессистов. Характерна с этой точки зрения редакционная статья сентябрьского номера неконсервативного журнала “Уикли стандарт” под красноречивым заглавием “Наш документ № 1”. “Американцы, – пишет ее автор У. Кристол, – все еще счастливы с таким главным документом, несмотря на все усилия прогрессистов удалиться от него ради прогресса. Консерваторы правы, стараясь вернуть конституции достойное место в нашей политике. Она – документ № 1. И должна быть им”¹. Недавно

¹ Kristol W. Our Dokument № 1. – The Weekly Standard, September 2, 2013, v. 18, № 48.

появившееся на политической сцене Америки консервативно-популистское “Движение чаепития”, провозглашает: “Мы стоим на защите конституции, глубоко консервативной по своей сути”².

Все же, несмотря на присущее консерваторам разного толка благоговение перед конституцией, в их подходах к ней обнаруживаются определенные нюансы. Прежде всего, необходимо выделить социальных консерваторов, чье отношение к конституции носит, можно сказать, сакральный характер. Достаточно сослаться на одного из их лидеров Р. Санторума, трактующего принципы конституции буквально: “Признание того, что права происходят от Бога, а не от правительства, отличает Соединенные Штаты от любой другой страны мира”³.

Прокламируемая Берковитцем политическая умеренность наталкивается и на такое серьезное препятствие как присущая политической жизни США поляризация. Особенно резко она проявляется по линии консерватизм – либерализм. Однако, она достаточно сильна и внутри консервативного лагеря. Мощным ферментом поляризации служит социальный консерватизм. По мнению американского политолога Дж. Белла, социальный консерватизм, начиная с президентских выборов 1968 г., превращается в “единственный величайший фактор раздора между взглядами народа и элиты, ведущий к непрерывной поля-

ризации, которой отличается американская политика вплоть до нынешнего дня”⁴.

В последние годы эта тенденция нашла воплощение в близком социальном консерватизму “Движении чаепития”. В отличие от глобализированной элиты консервативные популисты подобно социальным консерваторам придают принципиальное значение традиционным семейным ценностям, трудовой этике, американской исключительности и национальной идентичности. Они не склонны поступаться своими принципами. Отсюда поляризация в консервативных рядах между влиятельными кругами республиканского истеблишмента и консервативными популистами, которую трудно совместить с политической умеренностью.

Вообще, для того, чтобы консервативный лагерь смог консолидироваться, по-видимому, требуется “великий коммуникатор” типа Р. Рейгана. Пока же внутриконсервативной политической умеренности могут поспособствовать, главным образом, политика президента Б. Обамы, а также страстное желание отвоевать Белый дом. Учитывая остроту внутриконсервативной поляризации более вероятны тактические компромиссы, нежели долгосрочный консенсус.

П. Ю. Рахмиров,
доктор исторических наук, профессор
Пермского государственного национального
исследовательского университета

² About Us, <http://www.teaparty.org/about-us/>

³ Santorum R. American Patriots. Answering the Call to Freedom. Washington, 2012, p. XX.

⁴ Bell J. The Case for Polarized Politics. Why America Needs Social Conservatism. New York – London, 2012, p. 210.

ИТАЛЬЯНСКИЕ АРХИВЫ В РОССИИ – РОССИЙСКИЕ АРХИВЫ В ИТАЛИИ. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2013, 372 с.

Вышедший под редакцией Р.А. Говорухо пятый выпуск в серии “Проблемы итальястики”, издаваемой Российско-итальянским центром Российского государственного гуманитарного университета, состоит из цикла архивоведческих исследований о документальных собраниях по истории двух стран. Работы, представленные в сборнике, рассматривают архивное достояние России и Италии как источники для исследования связей, контактов и отношений между двумя странами. Это плодотворное научное направление корнями восходит к середине 60-х годов XX в., к далеким временам историографической “оттепели”. В ту пору советские и итальянские историки начали уникальный для эпохи холодной войны диалог между представителями двух национальных историографических культур, долгое

время разделенных “железным занавесом”, взаимными идеологическими предрассудками и предубеждениями. Тогда же был предпринят и первый опыт изучения архивных материалов.

По прошествии времени этот изначальный историографический замысел заметно усовершенствовался, воплотившись в наши дни в особый научный жанр исследований, воссоздающих картину в какой-то мере общей истории России и Италии, процессы взаимодействия их политических культур, их образов, запечатленных в ученом и народном сознании¹. Своими научными достижениями это историографиче-

¹ См., например: Kolomiez V. Il Bel Paese visto da lontano... Immagini politiche dell'Italia in Russia da fine Ottocento ai giorni nostri. Manduria – Bari – Roma,